

ЭКСТРАЕКЦИЯ И ПСИХОЗ МЕТАПСИХОЛОГИЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ *

В. РУДНЕВ

*Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть феномен психических сенсорных обманов – галлюцинаций различной этиологии и нозологической принадлежности – в качестве некоего единого явления человеческой психики, представляющего, по нашему мнению, один из механизмов защиты эго, относящийся к примитивным (первичным), или архаическим, защитным механизмам, то есть таким, которые действуют на границе между сознанием и реальностью (отрицание, интроекция, проекция, проективная идентификация, диссоциация), в отличие от вторичных механизмов защиты, действующих внутри человеческого сознания на границе сознательного и бессознательного (вытеснение, изоляция, рационализация, идентификация) (Мак-Вильямс, 1998). Автор вводит термин *экстраекция*, означающий сугубо психотический механизм защиты.*

То обстоятельство, что галлюцинации выполняют функцию механизма защиты, то есть, прежде всего, функцию понижения тревоги, разумеется, не новость. (Ср., например: “... прежде всего, существование стремится избежать экзистенциальной тревоги. Галлюцинации – это тоже форма попытки избежать этой тревоги” {Бинсвангер, 1999}). Наша цель состоит в том, чтобы, встроив этот феномен в систему учения о механизмах защиты, постараться лучше понять его феноменологию и попытаться построить метапсихологическую теорию его функционирования.

С этой целью мы вводим термин *экстраекция*. Мы будем понимать под экстраекцией *сугубо психотический* механизм защиты, суть которого состоит в том, что внутренние психологические содержания переживаются субъектом как внешние физические явления, якобы воспринимающиеся

* Продолжение. См. статью: В.Руднев, “Модальности, характеры и механизмы жизни” в предыдущем номере МПЖ.

Автор выражает сердечную признательность М.Е.Бурно, П.В.Волкову, А.И.Со-сланду и В.Н.Цапкину за помощь в работе над статьей.

одним или сразу несколькими органами чувств (зрительные; слуховые, – в частности, вербальные; тактильные; обонятельные обманы). При этом локализоваться эти явления могут либо во внешнем пространстве (в экстрапроекции – технический термин клинического учения о галлюцинациях), что относится, прежде всего, к истинным галлюцинациям, либо во внутреннем телесном пространстве, “в голове” (в интрапроекции) – здесь речь идет прежде всего о зрительных и слуховых обманах (“голосах”), которые наблюдаются при псевдогаллюцинациях Кандинского и психических (ложных) галлюцинациях Байарже (подробно типологию обманов см. {Ясперс, 1996; Рыбальский, 1983}).

Ниже будут рассмотрены проблемы соотношения понятий экстраекции, с одной стороны, и проекции, паранойи, бреда и сновидения, с другой; будет обрисован контур коммуникативной теории экстраекции при шизофрении; экстраекция будет рассмотрена также в свете типологии нарративных модальностей (Руднев, 2001).

Таковы проблемы, которые мы намереваемся затронуть в этой статье.

1. Экстраекция и проекция

Разграничение экстраекции и проекции представляется первоочередной задачей, прежде всего, потому, что на первый взгляд кажется, будто экстраекция есть лишь продолжение, своего рода материализация проекции или даже просто ее разновидность. Многие психиатры, по-видимому, так и считали и продолжают считать. Например, ранний Юнг в книге “Психология dementia praecox” 1907 года недвусмысленно пишет: “Галлюцинацию можно определить как простую проекцию наружу психических элементов” (Юнг, 2000, с.97). Мы постараемся показать, что это не так.

Прежде всего, “области интересов” проекции и экстраекции не совпадают экстенционально. Если проекция характерна и для неврозов, и для пограничных состояний, и для психозов, то экстраекция – сугубо психотический вид защиты. Она может иметь место при шизофрении, алкогольных психозах, эпилепсии, аменции, инволюционных пресенильных и сенильных, а также органических психозах, связанных с мозговыми травмами, при маниакальной фазе маниакально-депрессивного психоза (см. {Ясперс, 1994, 1996; Блейлер, 1993; Рыбальский, 1993}). О том, можно ли рассматривать как экстраекцию феномен сновидений, речь пойдет ниже; что касается наркотических галлюцинаций или трансперсональных психоделических переживаний пациентов Грофа, то их феноменология, безусловно, может быть приравнена к психотической.

С точки зрения интенциональной кажется, что экстраекция и проекция, если последнюю понимать так, как ее понимал Фрейд, суть принципиаль-

но различные феномены. И хотя в обоих случаях идет речь о вынесении чего-то внутреннего во что-то внешнее, тем не менее, отличительной особенностью проекции являются две вещи. Первая заключается в том, что между проецирующим субъектом и объектом, на который направлена проекция, всегда устанавливается некоторое амбивалентное эмоциональное отношение (например, любви/ненависти). Вторая заключается в том, что при реконструкции проекции как механизма защиты имеет место активно-пассивная трансформация. Мы имеем в виду, что проективное представление, выражающееся высказыванием “Он меня ненавидит”, является пассивной трансформацией представления, находящего свое выражение в высказывании “Я ненавижу его” (в духе теоретического фрагмента статьи Фрейда 1912 года о случае Шребера {Freud, 1981}). То есть при проекции факт отвержения субъектом как внутреннего некоего психического содержания и перенесения его на какой-либо объект – всегда прозрачен. Когда мы говорим: “Это проекция”, то подразумеваем достаточную ясность для нас того, что именно и на что проецируется. Так, например, в хрестоматийном примере проективной ревности “субъект защищается от собственных желаний неверности, вменяя неверность в вину супругу” (Лоплатни, Понталис, 1996, с.381).

В случае экстраекции мы не наблюдаем ни такого эмоционального отношения, ни трансформаций, ни прозрачности. Да, безусловно, экстраекция при бреде преследования в каком-то важном смысле является продолжением паранойяльной проекции: преследователь – это тот, кто “меня ненавидит” как проекция того, кого “ненавижу я сам” (Freud, 1981). Но сама экстраекция не выводима из проективной трансформации. Например, если человек при параноидной шизофрении слышит в бреде преследования голоса, которые ему угрожают, или при delirium tremens видит чертей, которые издеваются над ним, корчат рожи, грозят кочергой и т.д., то совершенно не очевидно, с какими именно внутренними содержаниями соотносятся и трансформацией чего являются эти голоса и эти видения.

Итак, можно сказать, что экстраекция и проекция соотносятся примерно так же, как психоз и паранойя. Или, дополняя приблизительную схему Ференци (мы имеем в виду работу {Ференци, 2000}), можно сказать, что линия “невроз – паранойя – психоз” соответствует линии “интроекция – проекция – экстраекция”.

Уточняя эту схему, можно сказать, что между проекцией и экстраекцией находится механизм *проективной идентификации*, выделенный впервые Мелани Кляйн и характерный именно для пограничных состояний (Мак-Вильямс, 1998; Кернберг, 1998, 2000). Суть проективной идентификации заключается в том, что человек не просто проецирует на другого свои

внутренние комплексы, но, во-первых, продолжает переживать проецируемый импульс, а, во-вторых, старается побудить другого вести себя таким образом, как будто у того действительно есть эти комплексы. Здесь один шаг до экстраекции – достаточно лишь того, чтобы надобность в этом другом субъекте отпала, что происходит при психотическом отрицании, отвержении, отказе (*Verleugnung* Фрейда, *forclusion* Лакана) от реальности и замене ее потусторонней психотической реальностью, носящей экстраективный характер.

На противоположном конце этой цепочки, находящемся ближе к невротической (депрессивной) интроекции, располагается обсессивная изоляция, когда невротик считывает с определенных объектов реальности некие судьбоносные знаки (как было, например, с пациенткой Бинсвангера Лолой Фосс {*Бинсвангер, 1999*}) в духе обсессивно-мистической идеи “всевластия мысли” (Фрейд, 1998), что также является одним из путей к экстраекции. Таким образом, вся цепочка, связывающая невроз и психоз, в целом выглядит примерно так:

вытеснение (“внешнее”-сознательное становится “внутренним”-бессознательным) – *истерия*;

изоляция (фрагмент внешнего рассматривается во внутреннем символическом контексте) – *обсессия*;

интроекция (внешнее переживается как внутреннее) – *депрессия*;

отрицание (внешнее отвергается во имя внутреннего) – *шизоидная психопатия*;

проекция (внутреннее переживается как внешнее) – *паранойяльная психопатия*;

проективная идентификация (внутреннее ведет себя как внешнее) – *пограничные состояния*;

экстраекция (внутреннее превращается во внешнее) – *галлюцинаторный психоз*.

(Логика движения от невротического к психотическому такова: вытеснение и изоляция – “высшие”, вторичные механизмы защиты, действующие “внутри” сознания между его инстанциями /сознательным и бессознательным/, – это классические неврозы отношения /истерия и обсессия/, начиная с депрессии /нарциссического, то есть потенциально психозогенного невроза/ *, действуют уже примитивные, первичные (архаические) механизмы защиты, осуществляющие взаимодействие между психикой в целом и реальностью.)

* Эта классическая фрейдовская типология “психоневрозов” изложена, например, в (Фрейд, 1989; Брилл, 1996).

Поскольку экстраекция практически всегда сопровождает острую форму шизофрении (в ее параноидной разновидности), то естественным будет попытаться проникнуть в механизм экстраекции именно на материале этого психического заболевания.

2. Экстраекция и шизофрения

Здесь мы обратимся к концепции шизофрении Грегори Бейтсона, согласно которой шизофреник не различает высказывание и метавысказывание. По-своему об этом писал уже Лакан:

“Обратите внимание, сколько в нормальных субъектах, а, следовательно, и в нас самих, происходит вещей, которые мы постоянно стараемся не принимать всерьез. Вполне возможно, что главная разница между нами и психически больными в этом и состоит. Именно поэтому в глазах очень многих, даже если они не отдают себе в этом отчет, психически больной – это воплощение того, к чему может привести привычка принимать вещи всерьез” (Лакан, 2000, с.226).

Свою идею о неразличении шизофреником разных уровней коммуникации Бейтсон иллюстрирует дзенской притчей, когда учитель заносит палку над головой ученика и говорит: “Если ты скажешь, что эта палка реальна, я ударю тебя. Если ты скажешь, что эта палка нереальна, я тоже ударю тебя. Если ты ничего не скажешь, я тоже ударю тебя”. В отличие от ученика, который догадывается вырвать палку из рук учителя, шизофреник оказывается в безвыходном положении. Что ни скажешь, все будет плохо.

И еще один, ставший уже парадигмальным пример:

“Молодого человека, состояние которого заметно улучшилось после острого психотического приступа, навестила в больнице его мать. Обрадованный встречей, он импульсивно обнял ее, и в то же мгновение она напряглась и как бы окаменела. Он сразу убрал руку. “Разве ты меня больше не любишь?” – тут же спросила мать. Услышав это, молодой человек покраснел, а она заметила: “Дорогой, ты не должен так легко смущаться и бояться своих чувств”. После этих слов пациент был не в состоянии оставаться с матерью более нескольких минут, а когда она ушла, он набросился на санитаров и его пришлось фиксировать” (Бейтсон, 2000, с.243).

Определяя эту ситуацию, Бейтсон далее пишет о шизофреногенной коммуникации в целом:

“(1) Индивид включен в очень тесные отношения с другим человеком, поэтому он чувствует, что для него жизненно важно точно определять, какого рода сообщения ему передаются, чтобы реагировать правильно.

(2) При этом индивид попадает в ситуацию, когда этот значимый для него другой человек передает ему одновременно два разноуровневых сообщения, одно из которых отрицает другое.

(3) И в то же самое время индивид не имеет возможности высказываться по поводу получаемых им сообщений, чтобы уточнить, на какое из них реагировать, т. е. он не может делать метакоммуникативные утверждения” (*там же*, с.234).

В этой ситуации шизофреник может реагировать тремя разными способами, соответствующими трем типам шизофрении. “Он может, например, решить, что за каждым высказыванием стоит какой-то скрытый смысл <...>, он станет подозрительным и недоверчивым”. Это проективно-паранойяльная реакция. Он может, наоборот, отнестись к высказыванию тотально несерьезно и реагировать на него смехом и кривляньем – гебефреническая реакция. Наконец, он может вообще перестать отвечать и как-либо реагировать на высказывание, затаиться, “притвориться мертвым” – кататоническая реакция (*там же*, с.236-237). Но наиболее радикальная реакция – это четвертая: экстраекция, которая эквивалентна вырыванию учеником палки из рук учителя.

Бейтсон предусматривал и эту возможность: “...обращение к галлюцинациям позволяет испытуемому разрешить проблему, порожденную противоречиями друг другу командами” (*там же*, с.249). В чем же смысл того, что, когда даются два противоречивых высказывания, решение приходит в психотической реакции видения или слышания иллюзорных вещей? Можно было бы ответить в духе классического структурализма К.Леви-Стросса и А.М.Пятигорского (*Леви-Стросс*, 1983; *Пятигорский*, 1965), что экстраекция есть реакция мифологической нейтрализации, когда построение галлюцинаторного нарратива медирует и тем самым обесценивает противоречивость предложенных шизофренику высказываний. Это будет правильным, но недостаточным объяснением. К тому же, оно уведет нас далеко в сторону к юнгианскому пониманию природы психотического. Но это слишком легкий путь – мы по нему не пойдём.

Вернемся к концепции Грегори Бейтсона и его коллег. Говоря о неразличении уровней коммуникации, он ссылается на теорию логических типов Рассела, давая тем самым понять, что шизофреник не в состоянии проделать ту процедуру, которую Рассел применяет к противоречивому высказыванию типа «Лжец говорит “Я лгу”», чтобы снять его парадокс-

сальность логическим путем. Суть решения Рассела в том, что, как это в афористической манере выразил Витгенштейн, “ни одна пропозиция не может свидетельствовать о самой себе, поскольку пропозициональный знак не может содержаться в самом себе” (Витгенштейн, 1999, 3.332). Вот как сам Рассел излагает суть своей теории логических типов:

“Проще всего проиллюстрировать это на парадоксе лжеца. Лжец говорит: “Все, что я утверждаю, ложно”. Фактически то, что он делает, это утверждение, что оно относится к тотальности его утверждений, и, только включив его в эту тотальность, мы получаем парадокс. Мы должны будем различить суждения, которые относятся к некоторой тотальности суждений, и суждения, которые не относятся к ней. Те, которые относятся к некоторой тотальности суждений, никак не могут быть членами этой тотальности. Мы можем определить суждения первого порядка как такие, которые не относятся к тотальности суждений; суждения второго порядка – как такие, которые отнесены к тотальности первого порядка и т. д. *ad infinitum*. Таким образом, наш лжец должен будет теперь сказать: “Я утверждаю ложное суждение первого порядка, которое является ложным”. Он поэтому не утверждает суждения первого порядка. Говорит он нечто просто ложное, и доказательство того, что оно также и истинно, рушится. Такой же точно аргумент применим и к любому суждению высшего порядка” (Рассел, 1993, с.25-26).

Таким образом, Рассел предполагает, что нормальный человек способен различать уровень высказывания и уровень метавысказывания. Бейтсон же полагает, что шизофреник это сделать не в состоянии, поскольку в ситуации двойного послания любая его интерпретация будет грозить ему психологическими санкциями со стороны собеседника и соответственно фрустрацией. Поэтому парадоксальная коммуникативная ситуация, в которой он постоянно находится, и ведет к расщеплению, шизофреническому схизису.

И вот здесь мы вернемся к тому, как реагировал на теорию логических типов Витгенштейн. Суть его возражений, изложенных в “Логико-философском трактате”, состоит в том, что подобная теория не нужна, так как структура высказывания сама по себе показывает или может показывать при соответствующей формально-логической экспликации, что в ней относится к одному уровню, а что – к другому (Витгенштейн, 1999).

В сущности, Витгенштейн утверждает, что все предложения равны, нет никакой иерархии и никаких уровней коммуникации. Просто необходимо поместить предложение в соответствующий контекст, и этот контекст сам покажет, к какому типу высказываний принадлежит данная пропозиция.

Допустим, я говорю кому-то: “Я тебе голову оторву”. Серьезно я говорю или шучу, должно быть ясно из контекста.

Но какое отношение имеет отрицание Витгенштейном теории логических типов – к шизофрении и экстраекции? Увы, самое прямое. Идея о том, что логическая структура сама себя показывает, – одна из самых важных идей “Трактата” – не имела строгого логического смысла и была воспринята логиками как странная и даже экстравагантная (вспомним, что словом “экстравагантность” Бинсвангер обозначает одну из определяющих черт в манере поведения шизофреника {Бинсвангер, 1999а}). Противопоставление того, что может быть *сказано*, тому, что может быть лишь *показано*, Витгенштейн распространяет на всю область человеческого знания. Его можно разделить на две части: естественнонаучное, о котором можно *говорить*, и абсолютное аксиологическое знание (прежде всего, этика и эстетика), которое может только *показывать себя*. Все это Витгенштейн называет “мистическим” (“6.522. Бывает, конечно, нечто невысказываемое. Оно себя само *обнаруживает* /*zeigt sich*/; оно мистично”. – *Перевод мой – В.Р.*).

И вот мы хотим сказать, что шизофреник реагирует на двойное послание не по Расселу, а по Витгенштейну*. В своих реакциях – параноидной, гебефренической или кататонической он *показывает, обнаруживает* (*zeigt*) логическую противоречивость данного ему сообщения. В предельном случае ему самому кто-то *показывает* – в виде галлюцинации – неразрешимую противоречивость этого сообщения.

Итак, расселовской позиции логических уровней языка Витгенштейн противопоставляет концепцию сказанного и показанного. Но действительно ли сказанное и показанное так принципиально отличаются друг от друга? Жесты, как показывает современная наука, чуть ли не так же конвенциональны, как и слова. Идея Витгенштейна, что все предложения находятся на равном уровне, по нашему мнению, и есть шизофреническая идея. Идея, что логическая структура сама себя *показывает* – зловещий росток параноидного мышления. Ср. детскую игру, когда один говорит: “Скажи – честное слово”, а другой отвечает: “Честное слово”, но при этом держит за спиной скрещенные пальцы, что является эквивалентом того, что логическая форма, находящаяся в скрытом (за спиной) виде, показывает: это “не считается”. Чтобы понять смысл высказывания, надо убедиться, *что* пока-

* Как показано нами в специальной работе (Руднев, 2001), Витгенштейн страдал латентной (малопрогредиентной) формой шизофрении, что не могло не отразиться на структуре его главного произведения. Именно отсюда странности, “экстравагантности” “Трактата”, такие, например, как гротескная роль отрицания как глобальной операции получения общей формы пропозиции (отрицание реальности – *conditio sine qua non* психотического мышления {Freud 1981a, 1981b}).

зывает логическая структура, есть ли за спиной у собеседника скрещенные пальцы. Этот навязчивый поиск “скрещенных пальцев” и есть параноидная реакция на высказывание. “Шутит он или говорит всерьез? Что он имеет в виду? Как относиться к его словам?” Остается сделать еще один шаг. Отказаться вообще от попыток понять речь другого в обыденном смысле. В параноидном или парафренном сознании все тотально символично, каждое высказывание в принципе имеет отношение ко мне, хочу я этого или нет. И, с этой точки зрения, не может вставать вопрос об уровнях понимания высказывания – *каждое* высказывание воспринимается а priori серьезно (ср. характерную постоянную серьезность Витгенштейна, отмечаемую всеми мемуаристами и биографами {*Monk, 1991; Руднев (сост.), 1994*}). То есть все, что я воспринимаю, с одной стороны, направлено на меня, но, с другой, я ничего не могу с этим поделать, потому что все происходящее не зависит от моей воли, исходит не от меня (ср. анализ параноидно-парафренного случая П.В.Волковым – пациентка боролась против таинственного заговора, целью которого было сломить ее волю и подчинить личность {*Волков, 2000*}). Вот это уже и есть экстраекция. Бредовый Другой сначала может говорить (“голоса”), но его не видно. Потом он уже – “*zeigt sich*”. Зрительная галлюцинация – наиболее убедительная экстраективная позиция, потому что видимое более убедительно, чем услышанное (“Я это видел собственными глазами”, “Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать”). Галлюцинация служит, таким образом, подтверждением внешнего мира, хотя это уже не подлинный *Umwelt*, а альтернативный психотический.

Здесь возможно возражение, что для шизофрении характерны, прежде всего, не зрительные, а вербальные галлюцинации. Отметим, с этой точки зрения, два момента. Первый заключается в том, что язык, который субъект слышит при галлюцинациях, это уже не обычный человеческий язык, а потусторонний или, как называл его Даниель Шребер, “базовый”, “фундаментальный” язык, на котором общаются с другими мирами. Семантика, либо синтаксис, либо прагматика, либо все вместе в этом языке искажается. Это язык, который описывает психотическую реальность, и речь на этом языке складывается в психотический дискурс (о котором подробно см. {*Руднев, 1999*}). И второе – галлюцинаторный субъект этой психотической речи. Этот субъект тоже потусторонний: Бог, божественные лучи у Шребера, “силы” у психотической пациентки Вильгельма Райха (*Райх, 1999*), оракул Лолы Фосс, пациентки Бинсвангера (*Бинсвангер, 1999*), или просто некая безличная зловещая угрожающая субстанция, как у пациентки Волкова (*Волков, 2000*).

Коммуникативный смысл вербальной экстраекции как ответа на неразрешимое парадоксальное послание, идущее из обыденного мира, заключается в том, что эта логическая неразрешимость и авторитарность (как правило, автором двойного послания является шизофреногенная мать) гротескно искажается и заостряется, и в этом смысле тоже “показывает себя”. Ответ на противоречивую речь – это психотический дискурс на “базовом языке”. Ответ на авторитарное послание шизофреногенной матери – еще более авторитарная фигура галлюцинаторного отца (или Бога, например, Бога-Отца) как универсального психотического защитника или, по крайней мере, партнера по психотическому диалогу (о роли фигуры отца или его субститутов при психозе см. {Лакан, 1997; Руднев, 1999}).

Защитная функция экстраекции, блокирующей шизопродукцию послание, проявляется в том, что она является противовесом неразрешимой жизненно-коммуникативной задаче и в каком-то смысле защитой более эффективной, чем паранойя, гебефрения и кататония. В каком же смысле? По-видимому, в том, что экстраекция в большей степени позволяет субъекту сохранно существовать в некоем законченном мире, пусть и психотическом. Недаром говорят о “галлюцинаторном рае”, которого, по словам Блейлера, может достичь только талантливый шизо-френик. В определенной степени таким раем была психотическая система Шребера, которую он по-своему связно и логично описал в своих мемуарах. Подобным раем является любая эзотерическая мистическая система, например, метаисторическая концепция Даниила Андреева, описанная им в “Розе мира”. Можно сказать, писатель говорит здесь на “базовом языке”, слова и пропозиции которого ему сообщили галлюцинаторные голоса и силы. *Ното normalis* (выражение Райха) не в состоянии понять до конца дискурс Даниила Андреева, когда тот, ссылаясь на свое знание, полученное при помощи псевдогаллюцинаций, пишет нечто вроде: “И тогда, наконец, третий уицраор испустил дух” (Андреев, 1991). Но при этом важно, что галлюцинаторная система не только не воспрепятствовала личностной сохранности Даниила Андреева, но, возможно, *обеспечила* ему эту сохранность в его нелегкой жизни.

То же самое можно сказать и о случае Бозэция (“Утешение Философией”). Если этот случай действительно имел место, то это была экстраекция, которая послужила медиативным снятием неразрешимого жизненно-го противоречия.

“Тем временем, пока я в молчании рассуждал сам с собою и записывал стилем на табличке горькую жалобу, мне показалось, что над моей головой явилась женщина с ликом, исполненным достоинства, и пылающими очами, зоркостью своей далеко превосходящими челове-

ские, поражающими живым блеском и неисчерпаемой притягательной силой; хотя была она во цвете лет, никак не верилось, чтобы она принадлежала к нашему веку. Трудно было определить и ее рост, ибо казалось, что в одно и то же время она и не превышала обычной человеческой меры, и теменем касалась неба, а если бы она подняла голову повыше, то вторглась бы в самое небо и стала бы невидимой для взирающих на нее людей” (Бозций, 1990).

Сначала галлюцинация явилась перед философом зрительно, затем она заговорила с ним на “базовом языке” (базовом в том смысле, что он не касался повседневной жизни и ее кажущихся противоречий).

По-видимому, ситуация экстраективного “утешения Философией” является достаточно универсальной в мировой культуре. Еще один яркий пример – “Бхагаватгита”. Предводителю пандавов Арджуне, фрустрированному “двойным посланием” (с одной стороны, долг кшатрия повелевает сражаться, с другой, противники – ближайшие родственники, кузены), является бог Кришна и в длительной беседе, составляющей содержание поэмы, снимает все противоречия.

Об “утешении галлюцинацией” и о нахождении ее по ту сторону логики пронизательно писал уже Адлер в 1912 году в статье “К теории галлюцинаций”:

“И только там, где “Я” извлекается из общества и приближается к изоляции, – в мечте, в которой стремятся к победе над всеми остальными, в смертельной, изнемогающей неопределенности, возникающей у путника в пустыне, когда в мучительной медленной гибели сама собой рождается приносящая утешение фата-моргана, в неврозе и в психозе, у изолированных, борющихся за свой престиж людей, – зажимы ослабевают, и душа, словно в опьянении, с экстатическим пылом вступает на путь ирреального, лишённого общности, строится другой мир, в котором галлюцинация играет огромную роль, поскольку логика не столь существенна” (Адлер, 1995, с.90).

Но даже когда галлюцинация не утешает, а угрожает, что чаще всего и бывает при параноидной шизофрении, она все равно в каком-то смысле является защитой против хаоса личностного распада. Так Бинсвангер, анализируя случай Лолы Фосс, замечает, что пациентка, когда у нее начался бред, справлялась с ним легче, чем с пограничным состоянием, в котором она существовала, потому что последняя ситуация была более стабильной альтернативой реальному миру. В терминах *Dasein-анализа* Бинсвангер пишет об этом так:

“Вторая альтернатива – проигрывание себя миру – не противоречит гипотезе, что существование в тревоге хватается за ничто мира; потому что, проигрывая себя миру, существование вообще не делает попытки схватиться за мир, поэтому не находит ничего, с помощью чего оно может понять себя, но придумывает себе мир. Это означает, что существование больше не растрчивает себя в беспокойном ожидании [im besorgenden Gewdrtigen], в раскрытии и контролировании вечного положения дел в мире, но что теперь оно растрчивает себя только на нынешнее положение дел, которое раз и навсегда определено Ужасным, – то есть, в ситуации постоянно присутствующей опасности. Отданное в руки постоянной угрозы со стороны омирного Ужасного и парализованного его превосходящей силой, *Dasein* больше не в состоянии понять мир как опасность; подлинное свободное понимание “я” тоже прекращается. Бытие-в-мире больше не предполагает беспокойство как форму решительного действия, но только в смысле самоотрекающегося мечтания об опасности” (Бинсвангер, 1999, с.273).

Ср. рассуждения Хайдеггера об ужасе, которыми, вероятнее всего, навеяны вышеприведенные строки Бинсвангера:

“Каково феноменальное отличие между тем, от чего ужасается ужас, и тем, от чего страшится страх? О т - ч е г о ужаса не есть внутримирное сущее. Поэтому с ним по его сути невозможно никакое именование-дела. Угроза не имеет характера некой определенной вредоносности, задевающей угрожаемое в определенном аспекте какой-то особенной фактической возможности быть. О т - ч е г о ужаса совершенно неопределенно. Эта неопределенность не только оставляет фактично нерешенным, какое внутримирное сущее угрожает, но говорит, что вообще внутримирное сущее тут “нерелевантно”. Ничто из того, что подручно и/или налично внутри мира, не функционирует как то, перед чем ужасается ужас. Внутримирно раскрытая целость именованного-дела с наличным и подручным как таковая вообще здесь не при чем. Она вся в себе проседает. Мир имеет характер полной незначительности. <...>

Ужас отнимает, таким образом, у присутствия возможность, падая, понимать себя из “мира” и публичной истолкованности. Он отбрасывает присутствие назад к тому, за что берет ужас, к его собственной способности-быть-в-мире. Ужас уединяет присутствие в его наиболее своем бытии-в-мире, которое в качестве понимающего сущностно бросает себя на свои возможности. <...>

Ужас обнажает в присутствии *бытие* к наиболее своей способности быть, т.е. *освобожденность* для свободы избрания и выбора себя самого” (Хайдеггер, 1997, с.186-188).

3. Экстраекция и модальность

В книге “Психология шизофрении” А.Кемпинский пишет:

“Главной чертой шизофренической космологии является фантастика и магия <...>. Шизофренический мир наполняют таинственные энергии, лучи, силы добрые и злые, волны, проникающие в человеческие мысли и управляющие человеческим поведением. В восприятии больного шизофренией все наполнено божеской или дьявольской субстанцией. Материя превращается в дух. Из человека эманерируют флюиды, телепатические волны. Мир становится полем битвы дьявола с богом, политических сил или мафии, наделенных космической мощью. Люди являются дубликатами существ, живущих на других планетах, автоматами, управляющими таинственными силами” (Кемпинский, 1998, с.135).

Даже если в самой галлюцинации нет ничего чудесного, например, больной видит просто какие-то узоры на стене, которых объективно не существует, то сама идея восприятия того, чего нет, носит алетический характер, так как, с обыденной точки зрения, “этого не может быть”. Более того, можно сказать, что в обыденной жизни сфера экстраекции – это единственное место (и время), когда вообще возможно проявление чудесного. Можно даже высказать предположение, что идея чудесного в принципе могла возникнуть только потому, что люди время от времени сходили с ума (по аналогии с идеей Н.Малкольма о том, что понятие сновидения могло возникнуть только потому, что люди время от времени рассказывали друг другу свои сновидения {Малкольм, 1993}). В принципе, правда, можно сказать и наоборот – что сны и безумие могли возникнуть только как вместилища чудесного. Об этом сказано у Достоевского словами Свидригайлова, который был галлюцинантом:

“Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился земной порядок в организме, тотчас и начинается сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что, когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир”.

Так или иначе, экстраективное отношение к миру совершенно явственно окрашено в алетический модальный план, то есть экстраективный мир – это *алетический нарративный мир* (о нарративных мирах см. {Doležel, 1979; Руднев, 1996; 2000}). Главной характеристикой этой модальности является смена оператора “невозможно” в модальном высказывании на оператор “возможно”.

Можно сказать даже, что в обыденном сознании понятие “невозможное”, с одной стороны, и “галлюцинация” и бред, с другой, – почти синонимы. Сталкиваясь с чем-то необычным, мы говорим: “Это невозможно, бред какой-то!” Столкновение с чудесным настолько сращено с идеей экстраекции, что, когда человек не готов к встрече со сверхъестественным, он интерпретирует происходящее с ним экстраективно. В этом плане характерно место в романе “Мастер и Маргарита”, когда Воланд спрашивает Мастера, верит ли тот, что перед ним действительно – дьявол: “Приходится верить, – сказал пришелец, – но, конечно, гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации”.

Ср. также фрагмент в “Лекции об этике” Витгенштейна, где он говорит о том, что чудо невозможно феноменологически встроить в обыденное сознание и поведение:

“Все мы знаем, что в обычной жизни называется чудом. Это, очевидно, просто событие, подобного которому мы еще никогда не видели. Теперь представьте, что такое событие произошло. Рассмотрим случай, когда у одного из вас вдруг выросла львиная голова и начала рычать. Конечно, это была бы самая странная вещь, какую я могу только вообразить. И вот, как бы то ни было, мы должны будем оправиться от удивления и, вероятно, вызвать врача, объяснить этот случай с научной точки зрения и, если это не принесет потерпевшему вреда, подвергнуть его вивисекции. И куда должно будет деваться чудо? Ибо ясно, что когда мы смотрим на него подобным образом, все чудесное исчезает” (Витгенштейн, 1989, с.104-105).

В принципе в экстраективном алетическом мире господствует логический разнобой, полное отсутствие действия фундаментальных законов бинарной логики. Объект может не быть тождественным самому себе, двойное отрицание – не быть эквивалентным утверждению, а *tertium – datur*, что и соответствует идее шизофренического расщепления, которое имплицитно продуцирует противоречивых высказываний (знаменитый пример Блейлера, когда больной произносит одно за другим два противоречивых высказывания: “Я такой же человек, как и все” и “Я не такой человек, как все” {Блейлер, 1993}).

Это торжество паралогии в экстраективном сознании закономерно в том смысле, что такому сознанию теперь уже нет нужды бояться противоречивых посланий шизофреногенных родственников (с другой стороны, можно утверждать, что эта паралогичность в какой-то мере – результат воздействия этих посланий; мысль о том, что шизофреника делает таким его ближайшее социальное окружение – родители и родственники, высказывал уже В.Райх, и она стала одной из самых важных для представителей антипсихиатрии – Р.Лейнга, Г.Бейтсона, Т.Саса {Лейнг, 1995; Бейтсон, 2000; Szasz, 1974}).

Вместе с тем, модальный ракурс экстраекции позволяет еще по одному параметру отграничить ее от проекции (соответственно – шизофрению от паранойи). В случае паранойяльной проекции, сверхценных идей, бреда отношений, любовного бреда (эротомании) актуализируется, прежде всего, аксиологическая модальность. Все три пропорции, которые проанализированы Фрейдом в теоретической части работы о Шребере, носят характер аксиологических модальных трансформаций – аксиологические операторы меняются местами (на место “хорошего” становится “плохое” и vice versa).

Я люблю его – Я *не* люблю его – Я ненавижу его – Он ненавидит меня (паранойя);

Я люблю его – *Не* я люблю его – *Она* любит его (бред ревности);

Я люблю его – Я люблю *не* его – Я люблю *ее* – *Она* любит меня (эротомания) (Freud, 1981, с.200-203).

Граница между паранойей и параноидной шизофренией, в сущности, совпадает с границей между аксиологическим и алетическим. Когда в сознании больного имеется представление о том, что “все следят за ним, все задумали против него плохое” и т.д., то это гротескно выраженная аксиология. Когда же к этому добавляется другое – “я вижу, что все, что написано в газетах, написано про меня, и все телевизионные передачи посвящены мне, и я слышу голоса, которые мне угрожают, и вижу персонажей, которые хотят меня убить”, – то это подключается алетический план. Здесь мы имеем дело уже с экстраекцией и, стало быть, с явственным психотическим миром. При паранойе все вектора, идущие от мира к Я, как бы сужаются в одной точке; при шизофрении, наоборот, они расширяются до бесконечности.

Важность алетического измерения при экстраекции заставляет обратиться к сопоставлению галлюцинаций и двух смежных психологических явлений: сновидений и бреда.

Суждение о том, что сновидение и галлюцинация – одного поля ягоды, что сновидение – это нормальная физиологическая галлюцинация, является общераспространенным со времен “Толкования сновидений” Фрейда, а, возможно, и раньше. Здесь мы постараемся уточнить эту точку зрения.

С одной стороны, в каком-то важном смысле сновидения и галлюцинации (но не иллюзии) сходны. Они объективно не существуют; у них нет плана выражения – означаемого – в материальном мире. (Поэтому выражения “язык сновидений” и “язык галлюцинаций”, как мне думается, некорректны: у языка должна быть денотативная основа; скорее, это – нечто, напоминающее “индивидуальный язык” у позднего Витгенштейна или “внутреннюю речь” у Пиаже и Выготского). В этом смысле, перефразируя мысль Н.Малкольма о понятии сновидения (*Малкольм, 1993*), можно сказать, что если бы люди не свидетельствовали о своих галлюцинациях, само это понятие не могло бы возникнуть (бывают, конечно, индуцированные массовые галлюцинации, но в этом случае воспринимающих их индивидов целесообразно рассматривать как единое патологическое сознание, которое можно с легкостью отграничить от других – нормальных – сознаний).

С другой стороны, галлюцинирование в корне отличается от сновидений тем, что оно может встраиваться в повседневную жизнь субъекта, а сновидение – нет (когда же это происходит, то служит признаком психотизации сознания, и в этом случае говорят об онерическом или онейроидном снопоподобных синдромах). В принципе наиболее сильная сторона развитых экстраактивных систем заключается как раз в том, что они могут уживаться и сотрудничать с обыденным миром. Такие системы представлены в свидетельствах и ясновидцев, и психических больных. След подобного сотрудничества обнаруживается даже в мемуарах Шребера. Несмотря на то, что в них говорится на “базовом языке” о фантастических вещах, тем не менее, автор отдает себе отчет в том, кто он такой, правильно называет окружающих людей, и при этом его лечащий врач доктор Флешиг и Бог существуют в его дискурсе на равных правах. Симбиотичность характеризует также “Розу мира” Даниила Андреева. С одной стороны, в ней есть вполне нормальные, с точки зрения обыденного сознания, рассуждения об исторической роли того или иного деятеля, но, с другой, эти исторические деяния тут же интерпретируются под углом зрения причастности к ним светлых и темных сил (в российском метаисторическом контексте это – противостояние демиурга Яросвета и уицраора Жругра). При этом предполагается, что хотя, скажем, Иван Грозный и Александр I – и демиурги и уицраоры, и, вместе с тем, существуют в разных мирах, но это различие не носит абсолютного характера: после смерти исторические деятели, в соответствии со своими деяниями, попадают в различные области

этих запредельных миров и уже непосредственно вступают в контакты с ангелами и демонами. Психотичность этого замечательного произведения заключается в том, что автор не делает принципиального различия, каков источник полученной информации, откуда он черпает сведения о лицах и происходящих с ними событиях: из исторических источников или из своего галлюцинаторного опыта. Здесь вспомним идею Витгенштейна, что “все предложения равны” и что сама их структура *показывает себя*. И в самом деле – показывает.

Чрезвычайно важным отличием сновидения от экстраекции является то, что при экстраекции субъект *на самом деле* может действовать, а не просто ему снится, что он действует. Он не лежит с закрытыми глазами в пассивной позе, с ним действительно все время что-то происходит в реальном мире. Приводим пример из книги М.И.Рыбальского:

“Больной Т.Г., 38 лет.

Диагноз: шизофрения, приступообразно-прогредиентная форма. Алкогольный делирий.

<...> Перед последним поступлением два дня пил. В состоянии похмелья появилась тревога. Вечером внезапно увидел, что маленькая кукла-матрешка, стоявшая на телевизоре, начала плясать. Плясала она не на одном месте, а по кругу – по краям телевизора. При этом размахивала руками, кивала головой. Видел это четко, удивился, “нутром понимая, что этого быть не может”. Включил свет, подошел ближе, убедился, что кукла стоит, как обычно, на телевизоре. Выключил свет и лег на кушетку. При взгляде на телевизор вновь увидел, что кукла пляшет, опять включил свет – кукла стояла на месте. Так повторялось несколько раз. <...> С целью уснуть съел горсть циклодола и запил вином, проснувшись, услышал, что в квартире этажом выше сговариваются его арестовать. Понял, что организована “группа захвата”. Из репродуктора услышал переговоры членов этой группы. Говорили о нем, ругали, сговаривались, как захватить. Считал, что в комнате установлена подслушивающая аппаратура, и что за ним все время следят. На следующий день чувствовал себя плохо. Взглянув в окно, увидел циркачей: мужчину и женщину, которые ездили на одноколесном велосипеде. Вечером вновь услышал угрожающие голоса. Повторил прием циклодола с вином. Немного поспал. Проснувшись, вновь услышал голоса. На этот раз вторая “группа захвата” сговаривалась его убить. Обсуждали детали. Решил “живым не даваться” и порезал себе горло бритвой. Была значительная кровопотеря, но жизненно важные органы не повреждены. В хирургиче-

ском отделении продолжал слышать враждебные сговаривающиеся голоса, был страх. Через сутки все прошло” (*Рыбальский*, 1983, с.184-185).

Итак, в отличие от ситуации сновидения, в экстраактивном мире, как правило, действует двойной счет, “двойная бухгалтерия” (выражение Э.Блейлера). Мир теряет свою самостоятельную релевантность, но он продолжает, во всяком случае, может продолжать присутствовать формально как некий фон или даже функционально, поскольку из него пропускаются сигналы в экстраактивный мир. Здесь принципиально важно наличие возможности, и подчеркивание этой возможности, проникновения, *пенетрации* (термин и идея А.Сосланда {*Сосланд*, 2001}) между обыденным миром и экстраактивным, поэтому так важны медиативные предметы – лучи, трубы, радиоприемники, телеэкран, электрический ток (один из пациентов В.Х.Кандинского свидетельствовал о том, что против него был составлен заговор “токистов”, то есть злоумышленников, которые проникали в его сознание посредством электрического тока {*Кандинский*, 1952}).

Эта принципиально возможная и важная смычка обыденного и алетического миров при экстраекции, совершенно невысказанная при сновидении, говорит о том, что экстраекция и сновидение, при том, что их соблазнительно рассматривать как нечто однородное, представляют собой, скорее, различные феномены.

Но самое главное в их различии – тот факт, что подлинная экстраекция всегда сопровождается бредовым переживанием, то есть результатом неадекватного интеллектуально-экзистенциального представления о мире – о внешнем обыденном мире. В психиатрической литературе принято подчеркивать различие между галлюцинацией и бредом в том духе, что бред – это ложное *суждение* или система суждений о мире, а галлюцинация это чувственное переживание мира (*Рыбальский*, 1993). Мы же хотим здесь подчеркнуть, скорее, их неразрывность. В нашем убеждении помогает такой авторитет клинической психиатрии, как К.Ясперс, который предостерегает от примитивного понимания бреда:

“Видеть в бредовой идее ложное представление, которого больной упорно придерживается и которое невозможно исправить, – значит понимать проблему упрощенно, поверхностно, неверно. <...> Мыслить о чем-либо как о реальном, *переживать его как реальность* (*курсив мой – В.Р.*) – таков психический опыт, в рамках которого осуществляется бредовая идея” (*Ясперс*, 1994, с.129).

В ответ на утверждение, что экстраекция и бред всегда находятся рядом, можно возразить, что определенные галлюцинаторные сенсорные обманы не сопровождаются бредовыми построениями. Например, псевдогаллюци-

нации Кандинского порой сопровождаются критическим отношением, больной понимает их вымышленность и ложность. Тем более это относится к таким повседневным и как будто вообще не имеющим отношения к психозу галлюцинаторным феноменам, как, например, парейдолии, когда человек в узорах на стене или в форме облаков видит звериные морды или человеческие лица. Однако здесь важно не само наличие или отсутствие бреда в момент галлюцинирования, но сама предрасположенность, готовность к бредовому восприятию мира у субъекта в целом. Поэтому псевдогаллюцинации, которые больной с развитым интеллектом может адекватно интерпретировать как патологические явления в момент их возникновения, в другой момент, будучи соотнесены с его, в целом, патологическим жизненным проектом, встраиваются в него и смыкаются с ним, как это было у того же Даниила Андреева. К тому же, здесь важна характерная способность психотика как к симуляции, так и к диссимуляции, то есть к такому поведению, которое может либо симулировать бредовое восприятие, когда его на самом деле нет, либо диссимулировать его отсутствие, когда оно есть, в том случае, например, если больному это выгодно, для того, скажем, чтобы его выпустили из больницы (ср. случай психотической пациентки П.В.Волкова {Волков, 2000}). В качестве иллюстрации вспомним сложное симулятивно-диссимулятивное поведение Гамлета, в частности, эпизод разговора с Полонием, в котором Гамлет навязывает ему свои парейдолические восприятия, встраиваемые им в общую стратегию навязывания безумного поведения:

Г а м л е т:

Видите вы вон то облако в форме верблюда?

П о л о н и й:

Ей-богу, вижу, и действительно, ни дать ни взять – верблюд.

Г а м л е т:

По-моему, оно смахивает на хорька.

П о л о н и й:

Правильно, спина хорьковая.

Г а м л е т:

Или как у кита.

П о л о н и й:

Совершенно как у кита”.

Бред возможен без экстраекции (например, бред умаления и ничтожности при депрессивной фазе маниакально-депрессивного психоза – такой бред даже может быть назван *интроективным*), но экстраекция невозможна без бреда как генеральной интенции. Более того, можно сказать,

что феноменологической определенностью обладает именно и только бред, галлюцинация же, в сущности, не имеет четкого феноменологического статуса (ср. выше), поскольку у нее отсутствует план выражения, означаемое, то есть именно бред в функциональном смысле может играть роль означаемого галлюцинации. Рассмотрим дело с точки зрения феноменологии подтверждения, указывающего на истинность наличия того или другого феномена. О том, что у человека была галлюцинация, мы можем узнать, используя единственный критерий – критерий свидетельства. Другой человек не может воспринять галлюцинацию свидетельствующего о ней (если только она не носит индуцированного характера, а в таком случае обоим надо рассматривать как единый галлюцинирующий субъект). То есть феноменологически галлюцинация имеет форму лишь свидетельства о галлюцинации, рассказ о ней: “Потом я услышал голоса, потом я увидел то-то и то-то”. Критерий свидетельства плох тем, что он не подлежит верификации. Невозможно проверить, действительно ли у человека была галлюцинация, или он лжет, выдумывает, симулирует и т. д.

На самом деле имеется достаточно надежный поведенческий критерий, позволяющий определить подлинность переживаний субъекта. Этот критерий очень простой – больной может характерно жестикулировать, размахивать руками во время галлюцинаций, отвечать на немые вопросы галлюцинаторного собеседника, стремиться прогнать галлюцинацию, выражать характерное беспокойство, прятаться и так далее. Но здесь мы фактически верифицируем наличие не галлюцинаций, а бредового переживания. Если же мы имеем дело не с актуальной ситуацией бредового поведения, то подлинность галлюцинаций верифицируется наличием бредовой системы. Если Шребер настаивает на своих особых отношениях с Богом, то вряд ли имеет смысл сомневаться, что его рассказы о продолжительных беседах либо непосредственно с Ним, либо посредством “божественных лучей”, были искренними. И когда Даниил Андреев рассказывает о метаисторических мистериях в эксплицитно бредовом ключе, то вряд ли имеет смысл сомневаться в том, что он действительно имел соответствующие видения и вербально-слуховые галлюцинаторные (скорее всего, псевдогаллюцинаторные) контакты.

Ясперс, описывая “бредовые восприятия” и “бредовые наблюдения”, даже не упоминает слова “галлюцинации”, хотя речь идет как будто о них:

“Значение вещей внезапно меняется. Больная видит на улице людей в форме, это испанские солдаты. Люди в другой форме – это турецкие солдаты. Собрались солдаты всех армий. Это мировая война (записана временем до 1914 года). Затем, на расстоянии нескольких шагов, больная видит человека в коричневой куртке. Это умерший архи-

епископ; он воскрес. Двое в плащах – это Шиллер и Гете” (*Ясперс*, 1994, с.36).

Если психиатр опирается здесь на свидетельство больной (а не сам ходил с ней по улице), то он не может установить феноменологический статус произошедшего, то есть подтвердить, были ли действительно на улице какие-то солдаты или хотя бы вообще какие-то люди, которых больная приняла за “солдат всех армий”, был ли человек в коричневой куртке – воскресший архиепископ, были ли те, кого больная приняла за Шиллера и Гете. Так или иначе, экстраективно-иллюзийное переживание (если больная переинтерпретировала каких-то реальных персонажей) или экстраективно-галлюцинаторное (если никаких персонажей реально не было вообще) – проверить это на основании свидетельства больной невозможно. В любом случае экстраективное восприятие или переосмысление осуществляются лишь на основе бредового фундамента – самой готовности увидеть в человеке, одетого в коричневую куртку, воскресшего архиепископа, а в двоих людях, закрывшихся плащом, – Шиллера и Гете.

Подобный пример неразрывности бреда и галлюцинации можно почерпнуть из следующего клинического наблюдения, взятого из знаменитой книги В.Х.Кандинского:

“Однажды, придя в отделение, я был заинтересован странной картиной: согнувши колени и сильно вытягиваясь корпусом вперед, Лашков с выражением ужаса на лице медленно продвигался по коридору, причем работал локтями и протянутыми вперед руками так, как будто бы ему было нужно прокладывать себе дорогу в вязкой среде. <...> Позже, уже в период выздоровления, Лашков объяснил этот эпизод так: он в то время намеревался бежать из больницы, являвшейся ему тогда тюрьмой, но был удерживаем только страхом попасться на зубы крокодила, живущего в канале, который огибал больницу с двух сторон (в соответствии с бредовыми представлениями больного. – **В.Р.**). Вдруг Лашков, к величайшему своему ужасу, чувствует, что крокодил *уже проглотил его*, что он, Лашков, уже находится в чреве этого животного; вследствие этого, желая выбраться на свет божий, он и должен был с большим трудом прокладывать себе дорогу, медленно продвигаясь вперед по внутренностям животного. <...> “Я живо тогда чувствовал (свидетельствует больной), что тело мое стеснено со всех сторон и что я не иначе, как с чрезвычайными усилиями могу продвигаться вперед <...>, одним словом, я чувствовал себя именно так, как будто бы я в самом деле попал в чрево крокодилово, подобно пророку Ионе, пребывавшему во чреве китовом три дня и три ночи...” ” (*Кандинский*, 1952, с.67).

Бредовое представление здесь невозможно отделить от осязательного галлюцинирования.

Почему для наших целей так важно показать зависимость экстраекции от бреда? Потому что, с одной стороны, именно тот факт, что экстраекция является семиотически неопределенной, служит доказательством ее нереальности в обыденном смысле, поскольку реальность, по нашему мнению, обоснованному в работах (Руднев, 1996, 2000), вернее, то, что в обыденном сознании называется реальностью, есть не что иное, как сложным образом организованная знаковая система. Экстраективная же реальность не имеет знакового характера, поскольку в ней отсутствует план выражения, или его наличие невозможно верифицировать. В этом смысле экстраективная реальность ближе к принципиально несимволизируемому Реальному Лакана (галлюцинация – это “реальное, отторгнутое от первоначальной символизации” {Лакан, 1998, с.414}).

Поэтому когда субъект в экстраективном состоянии достигает каких-то важных вещей, он может использовать в дальнейшем две противоположные стратегии. Первая будет заключаться в том, чтобы сохранить галлюцинаторно добытую истину для себя и следовать ей в одиночестве. Так субъект сможет воспользоваться этой истиной во всей ее чарующей полноте, но не сможет рассказать о ней другим людям, так как для того, чтобы рассказывать о чем-либо, нужны знаки. Вспомним знаменитую максиму “Логико-философского трактата”: “6.521 <...> люди, которым стал ясен смысл жизни после долгих сомнений, все-таки не могли сказать, в чем этот смысл состоит”. Витгенштейн, таким образом, выбирает первую стратегию.

Но возможна и противоположная стратегия, которую выбирают Даниель Шребер и Даниил Андреев – рассказать людям о своих экстраективных прозрениях. Именно для этого необходима система бредовых представлений, именно бред, который не противится семиотизации, а в каком-то смысле ориентирован на нее. Бред – это коммуникативный мост, связывающий экстраективный мир с обыденным миром. Смысл этой связи, этого бредового послания из экстраективного мира в обыденный мир – в свидетельстве победы психотического мышления над душившей его петлей коммуникативных неудач в предпсихический период. Развернутый экстраективный дискурс – это ответ загоняющему в тупик авторитарному сознанию, которое, с точки зрения Грегори Бейтсона и его коллег, довело человека до шизофренического расщепления. Это вторичная интеграция и обретение способности к коммуникации по ту сторону двойного послания и теории логических типов. В случае Шребера это был его ответ доктору Флешигу, в случае Даниила Андреева – Сталину и всей российско-

советской авторитарной государственности в целом, в случае Иисуса – фарисейско-иудаистскому сообществу, в случае Витгенштейна – Расселу и всей Кембриджской университетской авторитарной казенщине. В любом случае развернутый экстраективный дискурс – это вызов со стороны психотической личности посюсторонней Власти: родительской, врачебной, политической, академической, религиозной (ср. также {Фуко, 1997}).

4. Экстраекция и реальность (вместо заключения)

В средневековом корейском романе “Облачный сон девяти” рассказывается о том, как девять персонажей прожили долгую жизнь, полную приключений, но перед смертью им явился монах (буддийский, конечно) и объявил, что все то, что они рассматривали как свою жизнь, было их коллективной галлюцинацией (подробнее см. {Руднев, 1994}).

Важность проблемы экстраекции в сугубо философском контексте, таким образом, упирается в тот факт, что не только галлюцинирующему невозможно доказать, что его мир не существует, но и обычный человек не может доказать самому себе, что реальность, в которой он существует, не является галлюцинацией (проблема первой медитации Декарта).

Витгенштейн писал, что солипсизм и реализм – это одно и то же, если они строго продуманы (5.63). Парадоксы, как известно, существуют не только в теории множеств, ими полна логика существования и логика вымысла. С одной стороны, это известный “парадокс ручных тигров”, который кроется в двойственности понятия существования как предиката и как квантора. Пропозиция “Ручных тигров не существует” квантифицируется как: “Существуют (квантор) такие ручные тигры, которых не существует (предикат)” (Moore, 1959).

С другой стороны, если мы знаем, что “Шерлок Холмс не существовал”, то можно сказать, что пропозиции “Шерлок Холмс жил на Бейкер-стрит” и “Шерлок Холмс жил на Парк-лейн” одинаково ложны или бессмысленны, что противоречит нашей языковой интуиции, согласно которой первое в каком-то смысле истинно, а второе, скорее, ложно (Woods, 1974; Льюиз, 1999).

Существует также доказательство, что если объект находится здесь передо мной, то, возможно, это не верно, что он находится здесь, передо мной и *vice versa* (Руднев, 2000) (что уже непосредственно касается метафизики галлюцинаций).

“Небытие, – как заметил Куайн, – должно в некотором смысле быть, в противном случае, *что же есть то, чего нет?*” (Quine, 1951).

(Как язвительно писал Д.Галковский в “Бесконечном тупике” по сходному поводу, – “ничего не докажешь!”)

Но мы хотели лишь напомнить об этих чарующих, но, увы, уже слегка старомодных проблемах старого доброго XX века. Подробно анализируя их, мы с узкой феноменологической тропинки быстро свернули бы на проторенную автостраду виртуальной метафизики. Но это опять-таки слишком легкий путь.

Назад, назад – к вещам!

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер А. *К теории галлюцинаций* // Адлер А. *Практика и теория индивидуальной психологии*. М., 1995.
- Андреев Д. *Роза мира: Метафилософия истории*. М., 1991.
- Бейтсон Г. *Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. М., 2000.
- Бинсвангер Л. *История болезни Лолы Фосс* // Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире: Избранные статьи*. М.; СПб, 1999.
- Бинсвангер Л. *Экстравагантность* // Там же. 1999а.
- Блейлер Э. *Руководство по психиатрии*. М., 1993.
- Бозций. *“Утешение Философией” и другие трактаты*. М., 1990.
- Брилл А. *Лекции по психоаналитической психиатрии*. М., 1996.
- Витгенштейн Л. *Лекция об этике* // Даугава, 2, 1989.
- Витгенштейн Л. *“Логико-философский трактат”, с коммент. В.Руднева* // Логос, 3 (13), 1999.
- Волков П.В. *Рессентимент, резиньяция и психоз* // Волков П.В. *Многообразие человеческих миров*. М., 2000.
- Кандинский В.Х. *О псевдогаллюцинациях*. М., 1952.
- Кемпинский А. *Психология шизофрении*. М., 1998.
- Кернберг О. *Агрессия при расстройствах личности и перверсиях*. М., 1998.
- Кернберг О. *Тяжелые расстройства личности: Стратегии психотерапии*. М., 2000.
- Лакан Ж. *Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда*. М., 1997.
- Лакан Ж. *Семинары. Кн. 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)*. М., 1998.
- Лакан Ж. *Бессмысленное и структура Бога* // *Метафизические исследования*, 14, 2000.
- Лапланиш Ж.-Понталис Ж.-Б. *Словарь по психоанализу*. М., 1996.
- Леви-Строс К. *Структурная антропология*. М., 1983.
- Лейнг Р. *Расколотое “Я”*. СПб., 1995.
- Льюиз Д. *Истина в вымысле* // Логос, 3 (13), 1999.

- Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель / Сост. В.Руднев. М., 1994.
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 1998.
- Малкольм Н. Состояние сна. М., 1993.
- Пятигорский А.М. Некоторые замечания о мифологии с точки зрения психолога // Труды по знаковым системам, 2, Тарту, 1965.
- Райх В. Анализ личности. М., 1999.
- Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия / Под ред. А.Ф.Грязнова. М., 1993.
- Руднев В. Сновидение и событие // Сон – семиотическое окно. М., 1994.
- Руднев В. Морфология реальности: Исследование по “философии текста”. М., 1996.
- Руднев В. Психотический дискурс // Логос, 3 (13), 1999.
- Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М., 2000.
- Руднев В. Случай Витгенштейна // Руднев В. Метафизика футбола: Исследования по философии текста и патографии. М., 2001 (в печати).
- Рыбальский М.И. Иллюзии и галлюцинации: Систематика, семиотика, нозологическая принадлежность. Баку, 1983.
- Рыбальский М.И. Бред: Систематика, семиотика, нозологическая принадлежность бредовых, навязчивых, сверхценных идей. М., 1993.
- Сосланд А.И. Что годится для бреда? // Московский психотерапевтический журнал, 2, 2001.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
- Фрейд З. Тотем и табу. М., 1998.
- Ференци Ш. Интроекция и перенесение // Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М., 2000.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 1997.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
- Юнг К.Г. Психология *dementia praecox* // Юнг К.Г. Работы по психиатрии. М., 2000.
- Ясперс К. Общая психопатология. М., 1994.
- Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии. Т. 2. М.; СПб, 1996.
- Doležel L. Narrative worlds // Sound, sign and meaning. Ann Arbor, 1979.
- Freud S. Psychoanalytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia (*dementia paranoides*) // Freud S. Case Histories. II. N.-Y., 1981.
- Freud S. Neurosis and psychosis // Freud S. On psychopathology. N.-Y., 1981a.
- Freud S. The Loss of reality in neurosis and psychosis // Ibid. 1981b.
- Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of genius. L., 1990.
- Moore J. E. Philosophical papers. L., 1959.
- Mounce H. Wittgenstein's Tractatus: An Introduction. Chicago, 1981.

Quine W. On what there is // Quine W. From a logical point of view. Cambr., 1951.

Szasz Th. The Myth of mental illness. N.-Y., 1974.

Woods J. The Logic of fiction. Haag, 1974.